

ЗАПИСКА
О
ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОНЯТОВСКАГО
И
РАЗМЫШЛЕНИЕ О НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Н. ШЕМЯКИНА.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1871.

ЗАПИСКА

О

ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОНЯТОВСКАГО

И

РАЗМЫШЛЕНИЕ О НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Н. ШЕМЯКИНА.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1871.

110

А. И. ВОЛКОВЪ

СТАВРОПОЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ЧТЕНИЯ

**въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1871 года кн. 3-я.**

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЗАПИСКА

О

ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОНЯТОВСКАГО

И

РАЗМЫШЛЕНІЯ О НАСТОЯЩЕЙ ВОИНѢ. *

Съ давнихъ поръ я вижу свободный народъ, дѣлающій напрасныя усилія для защиты себя отъ двухъ могучихъ враговъ, которые хотятъ наложить на него оковы, и размышляю о жестокомъ удовольствіи, ощущаемомъ тѣми, которые издали смотрятъ на ужасы и опустошенія этой войны, не занимаясь средствами остановить ихъ. Я могъ бы, по примѣру ихъ, смотрѣть, какъ люди рѣжутъ другъ друга, не заботясь о послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти отъ того; но, при моемъ чувствительномъ сердцѣ и знаніи правъ чело-вѣчества, какъ не оплакивать судьбу многихъ милліоновъ людей, которыхъ одна Государыня приносить въ жертву своему честолюбію? Знаю, что не въ правилахъ вѣка, въ которомъ мы живемъ, приниматься за изслѣдованія, могущія привести намъ на память долгъ чело-вѣка и гражданина. Духъ независимости основалъ свои начала на посмѣяніи, которое, какъ видалъ онъ, покрываетъ людей довольно прамыхъ, за нѣкоторое уваженіе къ законамъ, научающимъ ихъ гнушаться несправедливости. Какъ бы то ни было, однако жъ, у меня достанетъ духа пренебречь этимъ посмѣяніемъ: я осмѣлюсь

* Это переводъ съ Французскаго: «Memoire sur la vie privée de Peniatowsky et réflexions sur la guerre présente,» написанной неизвестнымъ, по крайней мѣрѣ, для меня. Была ли она когда и гдѣ напечатана, тоже мнѣ не извѣстно, но, по содержанію своему, показалаcя достойной обнародованія, не смотря на всѣ преувеличенія и увлеченія сочинителя, равно какъ и очевидную несправедливость къ намъ.

сказать Государямъ то, о чемъ льстецы имѣютъ столько выгоды молчать предъ ними. Пишу не для того, чтобъ имъ понравиться, но чтобы воскресить въ нихъ, если не прошло это время, чувства чело­вѣчности къ тѣмъ, которыхъ они преслѣдуютъ такъ жестоко. Свободность въ изложеніи событій, служившихъ основаніемъ моимъ положеніямъ, придется не по вкусу Державамъ, къ которымъ они относятся; но какъ бы ни были неприятны истины, тѣмъ не менѣе онѣ произведутъ достойное впечатлѣніе, а выгоды народа, котораго я защищаю дѣло, не допускаетъ смягченій, по тому что и на него нанали безпощадно: я возьму также и его подъ свою защиту.

Государыня, зажегшая пламя войны, хочетъ выдавать себя покровительницей Поляковъ, также и Вѣры ихъ, и, для успѣха въ томъ, она нарушаетъ всѣ льготы и договоры народа съ его Королемъ. Хорошая политика допускаетъ ли подобныя странности? Не трудно видѣть, что подобная система—слѣдствіе той системы Короля Прусскаго, который въ послѣднюю войну прикрывалъ свои захваты въ Саксоніи и Чехіи благовиднымъ предлогомъ защитника Нѣмецкихъ правъ и Протестанскаго Исповѣданія. Извѣстно, что этого Государя занимали болѣе важныя заботы, и что онъ такъ хорошо понималъ свои выгоды, что не могъ взять на себя оборону правъ, на которыя только онъ одинъ могъ сдѣлать нападеніе. Онъ предпо­лагалъ, что хотятъ нарушить ихъ. Онъ желалъ того, и сдѣлалъ все возможное, чтобы это случилось. Таковъ же нынѣшній образъ дѣйствій Россіи относительно Польши. Россія предполагаетъ правленіе въ Польшѣ, зараженное недостатками и, по своему частному вліянію, она хочетъ измѣнить форму. Сколько соображеній представляется при этомъ видѣ! Я былъ бы на верху моихъ желаній, если бы могъ уничтожить эту вольность, произведеніе политики, которая старается о размноженіи людей за тѣмъ только, чтобы они могли служить ея честолюбію. Екатерина II, рожденная съ такимъ умомъ, какой только можно вообразить себѣ, и созданная для престола, ею занимаемаго, умѣла искусно соединить свои виды съ правами Вѣры Польши: подъ такимъ прекраснымъ покровомъ она сдѣлалась Государыней и повелительницей народа, котораго ослабленіе имѣло для нея огромную выгоду и котораго всемогущество и сила, зависящая отъ избираемаго имъ самимъ Государя, довольно невѣрной прочности. Екатерина, способная властвовать надъ людьми и проводить ихъ, не

требуетъ отъ насъ другой заслуги, кромѣ повиновенія. Жизнь ея подданныхъ и ихъ способности въ полномъ ея распоряженіи, а предразсудокъ, въ которомъ удерживаетъ ихъ Вѣра, дѣлаетъ ихъ существами, всегда готовыми отдать себя на жертву отечеству, котораго они не знаютъ вовсе. Такое Правительство, служащее бѣдствіемъ для сосѣднихъ Государствъ, должно быть постояннымъ предметомъ опасеній для Европы: оно ставитъ ее въ необходимость содержать многочисленныя войска, чтобы не быть захваченною въ рас-
плохъ, а это необходимо основываетъ военную систему, постоянную у каждаго особеннаго народа. Потомство не повѣритъ, чтобы честолюбіе женщины занимало столько рукъ, поднятыхъ на истребленіе человѣчества. Какъ согласить этотъ образъ дѣйствій съ мудрыми законами Екатерины? Что за непоследовательность въ ея нравственныхъ правилахъ? Она покровительствуетъ торговлѣ, земледѣлію, населенности, — и эти питательныя вѣтви Государства измѣняютъ свои цѣли подъ ея владычествомъ. Гражданинъ станетъ трудиться только для прокормленія война; способы защиты поглотятъ способности существованія, и общество, вмѣсто того, чтобы сохранять себя, разрушится, благодаря этой новой системѣ. Это положеніе уже слишкомъ доказано насильственнымъ состояніемъ, въ которое привели Европу честолюбивыя виды Екатерины: чтобы показать это ясно, я буду брать за основаніе моихъ замѣчаній одни только причины и событія.

Давно уже Екатерина составила планъ возвести на Польскій престолъ Графа Понятовскаго, и для успѣха въ томъ она не щадитъ денегъ для Оттоманской Порты. Великій Визирь и главные Начальники Дивана, соблазненные этимъ металломъ и внушеніями иностранныхъ Министровъ, раздѣлявшихъ намѣренія Екатерины и Понятовскаго, не видѣли, что такая тѣсная дружба обратится въ неизбежную пагубу для Оттоманской Порты. Чтобы увѣриться въ этой истинѣ, надобно только вспомнить всѣ происки Екатерины для возведенія на престолъ Польши одного кандидата, которому назначала она вѣнецъ. Здѣсь не будетъ неумѣстнымъ краткое изображеніе Станислава Понятовскаго, виновника тѣхъ золъ, которыя опустошаютъ такъ давно уже его отечество, также и очеркъ его частной жизни до времени его вступленія на Польскій престолъ.

Графъ Станиславъ Понятовскій, до времени его воцаренія извѣстный подъ титуломъ Великаго Стольника Литовскаго, получилъ

на свою долю красивое лицо, благородную осанку, важность въ приемахъ и наружномъ видѣ. Отъ природы съ живымъ и пронизательнымъ умомъ, онъ имѣлъ счастье быть воспитаннымъ своею матерью, Княгиней Черторыйскою. Съ пропехожденіемъ, самымъ знаменитымъ въ Польшѣ, эта госпожа соединяла умъ и самыя обширныя свѣдѣнія. По всемъ этимъ причинамъ она достойна была сдѣлаться женою знаменитаго Графа Понятовскаго, извѣстнаго въ Европѣ болѣе дружбой къ нему и вспоможеніями Карла XII, Короля Шведскаго, нежели знатностью своего имени, которое только самъ онъ вывелъ изъ неизвѣстности.

Когда Карлъ XII покинулъ Турцію для возвращенія въ свои Государства, Графъ Понятовскій присталъ къ несчастному Станиславу и жилъ съ нимъ въ Цвейбрикенѣ. Въ бытность его въ этомъ мѣстѣ, среди постоянныхъ происковъ и не видя ни какой дороги къ блестящему счастью при Королѣ-бѣглецѣ, онъ затѣялъ очень черный замыселъ, чтобы помириться съ соперникомъ своего друга. Дѣло шло о похищеніи у Станислава подлиннаго отреченія, даннаго этому Августомъ II въ 1706 году, по приказанію Карла XII-го. Онъ не замедлялъ успѣть въ томъ, и, запасшись этой бумагой, тотчасъ же отнесъ ее къ Августу II. Этотъ Государь, въ восторгѣ отъ важности услуги и приверженца, котораго досталъ себѣ, постарался женить его на княжнѣ Черторыйской; въ приданое за нею Понятовскій получалъ только великое имя, очень много честолюбія и самое рѣшительное желаніе играть великую роль въ Польшѣ. Третій изъ пяти мальчиковъ, которыхъ она имѣла отъ этого брака, Станиславъ Понятовскій, былъ предметомъ всей ея нѣжности. Она пренебрегала воспитаніемъ двухъ старшихъ сыновей для воспитанія теперешняго Короля. Она сама хотѣла воспитать и образовать его, и имѣла случай быть довольною, что ученикъ ствѣчалъ попеченіямъ и трудамъ своей наставницы. Между наставленіями, внушаемыми ею своему питомцу, она особенно заботилась передать ему величайшее отвращеніе къ Франціи, и въ этомъ отношеніи Понятовскій строго слѣдовалъ урокамъ своей матери. Когда позволяли ему путешествовать, онъ прожилъ только три мѣсяца въ Парижѣ (гдѣ, однако жъ, повравился) сколько изъ послушанія къ матери, столько и для того, чтобы угодить Англичанамъ, которыхъ благосклонность была для него необходима.

Въ 1755 году Англійскій Дворъ назначилъ своимъ Посломъ въ

Петербургъ Г. Бамбургъ-Вильямса. Понятовскій искалъ у Англичанъ позволенія ѣхать съ нимъ въ Россію, въ качествѣ Дворянина Посольства. Такой поступокъ кажется страннымъ со стороны чело-
вѣка, надменнаго и проникнутаго всемъ честолюбіемъ его матери, но онъ предлагалъ ему средство къ достиженію его цѣли, и этого было для него довольно. Когда онъ отправлялся въ Россію, цѣлю его не было лично представить себя, какъ наследника Польскаго престола, но проложить къ нему дорогу либо своему семейству, либо дядѣ съ матерней стороны, Князю Воеводѣ Русскому, либо двоюродному брату, Князю Адаму, сыну Воеводы. Черторыйскіе давно уже составили планъ вступить на Польскій престолъ, и было довольно естественно, чтобы они имѣли при Русскомъ Дворѣ приверженца, который могъ отстаивать ихъ выгоды и тайно управлять партією въ пользу ихъ притязаній. Ни кого не было способнѣе Понятовскаго для достиженія этой цѣли. Онъ соединялъ въ себѣ все преимущества, способныя обезпечить успѣхъ замысла: умъ, свѣдѣнія и особливо желаніе успѣха.

Понятовскій отправился въ Петербургъ при Кавалерѣ Бамбургъ-Вильямсѣ. Ему не трудно было понравиться, особливо при, такъ называемомъ, молодомъ Дворѣ, состоявшемъ изъ Великаго Князя и Княгини, нынѣшней Государыни подъ именемъ Екатерины II. Понятовскій бесѣдовалъ съ Великимъ Княземъ по Англійски и по Нѣмецки, и наговаривалъ ему много дурнаго о Франціи, чрезвычайно хвалилъ Прусскаго Короля и все его дѣйствія, пилъ и курилъ съ Петромъ. Эти угожденія были безошибочными средствами вкратѣ заранѣе въ милость этого Князя, и они не остались безплодными. Образъ дѣйствій его у Великой Княгини былъ совершенно различенъ, новый Протей: выдали, что онъ обыкновенно изъ курильни Петра ходилъ въ уборную Екатерины. У нея онъ пользовался только тѣмъ непорченнымъ языкомъ, который такъ нравится женщинамъ и Княгинѣ полюбились общество Поляка, казавшагося для нея чело-
вѣкомъ любезнымъ и достойнымъ того, чтобы заняться имъ. Понятовскій не замедлялъ примѣтить чувство, которое внушилъ: Вскорѣ въ его пользу были самыя очевидныя доказательства внушенной имъ страсти.—счастливый залогъ той участи, для которой готовила его Княгиня, безъ сомнѣнія, уже съ этой минуты рѣшившаяся на разные для него замыслы, осуществленіе которыхъ поочередно видѣла Европа Но, посреди всѣхъ такихъ успѣховъ, случилось происшествіе,

которое совершенно смутило бы и непременно посадило на мель не такого искуснаго пловца, какъ Понятовскій. Франція заключила договоръ съ Елисаветой: тогдашней Императрицей Русской. П

Этотъ союзъ, котораго цѣлю было сопротивленіе Англичанамъ и Прусакамъ и доставленіе Дому Австрійскому Силезіи, не согласовался съ планами Понятовскаго, но, какъ человекъ даровитый, онъ не потерялъ духа, оставилъ Бамбургъ-Вильямса, возвратился въ Варшаву и заявилъ на сеймѣ своему народу и своему Двору необходимость въ довѣренномъ Послѣ у Елисаветы. Для Графа Брюліо, Французскаго Посла въ Польшѣ, столько же прозорливаго, какъ и тонкаго, политика, нетрудно было проникнуть тайныя намѣренія Понятовскаго. Онъ привелъ все въ дѣйствіе, чтобы остановить это назначеніе; однако жъ суждено было, чтобы Полякъ одолѣлъ все препятствія, заграждавшія для него великую будущность. Ему посчастливилось сдѣлать такъ, что выборъ палъ на него: Графъ Брюль, располагавшій всею при Дворѣ, имѣлъ бѣдственное ослѣпленіе уступить первой настойчивой просьбѣ за Понятовскаго изъ одного только противорѣчія Гр. Брюліо, который тому противился. Нашъ Посоль-Король возвратился оиать въ Россію съ тѣмъ же характеромъ: болѣе чѣмъ когда ни будь онъ старался сдѣлать себѣ приверженцевъ въ этомъ Дворѣ, и хотя разговоры его на первомъ приѣмѣ, казалось, обличали съ его стороны намѣренія, непріятныя Королю Прусскому, тѣмъ не менѣе онъ держался пользы этого Государя, имѣвшаго уже сторону при Дворѣ Великаго Князя.

Однако жъ, со времени пріѣзда въ Петербургъ Французскаго Посла, Маркиза Лопиталья, сторона Англичанъ, Прусаковъ и Поляковъ, падала съ каждымъ днемъ. Французскій Посоль нашелъ средство приобрести дружбу и довѣренность Государыни Елисаветы и снискать себѣ уваженіе всѣхъ Русскихъ. Маркизь Лопиталь былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ Понятовскимъ, по тому что ему не безызвѣстны были все его происки. Этотъ послѣдній встрѣчалъ всегда на своей дорогѣ Французскаго Посла, намѣревавшагося уронить Графа во мнѣніи Елисаветы и заставить отозвать его; однако жъ нужно было что ни будь болѣе намековъ и подозрѣній. Маркизу Лопиталю пособилъ случай. Одна любовная связь Понятовскаго съ женщиной молодаго Двора не понравилась Елисаветѣ. Послы Французскій и Австрійскій воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы потребовать отсылки Поляка. Въ самомъ дѣлѣ

этотъ Посолье не дождался приказаній своего Двора и возвратился въ Варшаву.

Понятовскій, четыре года оставался въ бездѣйствіи, все выжидая отъ времени и обстоятельствъ средства появиться на мѣстѣ дѣйствія и слѣдовать за ходомъ своихъ замысловъ. Смерть несчастнаго Петра III-го доставила ему случай напомнить Екатеринѣ объ обѣщаніяхъ, ею сдѣланныхъ. Онъ отправилъ лазутчика въ Россію узнать, можетъ ли онъ представиться, но, не смотря на доброе желаніе видѣть его, Екатерина велѣла сказать ему, что присутствіе его можетъ встревожить умы, которые она еще не советемъ успѣла расположить къ себѣ, увѣряя, что, впрочемъ, она предоставляетъ себѣ доказать всю обширность своей благосклонности къ нему, когда настанетъ для того время и если представится случай. Опуская завѣсу на происшествія, возведшія Екатерину на престолъ.* Извѣстно, какъ послѣдняя Императрица уважала этотъ родъ: тѣ же правила, можетъ быть, жили и въ душѣ Екатерины; но людямъ, видѣвшимъ свою пользу въ паденіи этихъ правилъ, было нетрудно внушить ей опасенія, соединенныя для нея съ существованіемъ Государя, слишкомъ, однако жъ, слабого, чтобы когда ни будь внушить подозрѣніе, или составить для себя приверженцевъ въ Государствѣ.

Все, кажется, соединилось для возвышенія Понятовскаго. Смерть Августа III-го, послѣдовавшая въ 1763 году, открыла свободное поприще для его честолюбія. Онъ отправилъ вѣстника къ Екатеринѣ съ донесеніемъ объ этой новости. Эта Государыня тотчасъ же велѣла собраться своему Совѣту для разсужденія о томъ, чью надобно было взять сторону? Бестужевъ былъ того мнѣнія, «чтобы оставить Польшѣ свободу избранія Государя», прибавивъ, «что ежели Россія объявитъ свое мнѣніе, она не можетъ того сдѣлать ни для какого Поляка, довольно сильнаго, чтобы удержаться безъ пособія Государства, которое будетъ ему покровительствовать; что было бы бесполезно тратить деньги въ чужомъ краѣ на содержаніе войска, что послѣдняя война, какъ ни была она счастлива, тѣмъ не менѣе

* Далѣе, въ 8 строчкахъ, сочинитель говоритъ, съ своей точки зрѣнія, о послѣдовавшихъ за тѣмъ общезвѣстныхъ происшествіяхъ, что ни мало не относится къ сущности дѣла, излагаемаго имъ въ этой запискѣ. О. Б.

поглотила весьма значительную сумму, и эти деньги совершенно пропали.»

Другие Министры почли долгомъ быть того же мѣнiя. Одной Екатерины оно не понравилось. Мало удовольствiя принесла ей эта попытка; она отважилась на вторую, которая удалась ей не лучше. Наконецъ, оскорбленная сопротивленiемъ, встрѣченнымъ ею въ Совѣтѣ, она посовѣтовалась съ самой собою, и рѣшилась возвести на престолъ челоуѣка, котораго умъ умѣлъ ей понравиться. После этого совѣщанiя съ самой собою, она послала въ Варшаву 3,000 челоуѣкъ войска, для присутствiя на совѣщательномъ сеймѣ, назначенномъ 9-го Мая, 1764 года.

Это первое дѣйствiе насилия, и сеймъ, возмущенный присутствiемъ иностранныхъ войскъ, достаточно показалъ Полякамъ, чего имъ слѣдуетъ опасаться на будущее время. Въ самомъ дѣлѣ избранiе было также вынуждено, какъ и приглашенiе на него, и Понятовскаго призналъ его народъ только благодаря ужасу, внушенному присутствiемъ Русскихъ войскъ. Для вразумленiя читателя и объясненiя ему, какимъ образомъ Поляки положили отвергнуть этотъ выборъ, надобно развернуть передъ глазами его постановленiя Польши.

Еще за двѣсти лѣтъ назадъ, такъ сказать, со временъ Сигизмунда, Рѣчь Посполитая постановила священнiй и ненарушимый законъ, который положительно говорилъ, что «Король не почитается законнымъ, когда въ минуту его избранiя находится иноземное войско въ Рѣчи Посполитой, и что если во время этого выбора (который производился на большой полянѣ, въ 3-хъ четвертяхъ мили отъ Варшавы) есть въ этомъ какiе ни будь иностранные Послы, Маршалъ сейма просить ихъ удалиться, а иначе онъ не отвѣчаетъ за ихъ лица.» Безпристрастный читатель можетъ оцѣнить эти причины и самъ произнести рѣшенiе.

Царица и новый Король легко предвидѣли, что избранiе, подобное тому, которое готовились сдѣлать, не можетъ удержаться надолго. Въ ихъ выгодахъ было возбуждать смуты въ Польшѣ, чтобы имѣть предлогъ для вступленiя туда иноземныхъ войскъ. Дѣло Разновѣрцевъ представило имъ такой предлогъ, очень способный помочь ихъ намѣренiямъ, и съ этихъ поръ принято было рѣшенiе наложить цѣпи на Польшу.

Подъ Разновѣрцами въ Польшѣ разумѣютъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ Вѣру, отличную отъ Римско-Католической. Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ Лютеранъ, Кальвинистовъ, Перекрещенцевъ, Раскольниковъ (т. е., Греко-Россійскаго Исповѣданія Христіанъ) и Соцініанъ. Этихъ послѣднихъ очень мало.

Царица самовластно требовала, чтобы Польская Рѣчь Посполитая, во уваженіе покровительства, которое Государыня Русская оказываетъ Разновѣрцамъ, разрѣшила имъ пользованіе всѣми преимуществами другихъ Поляковъ.

Эти преимущества ограничиваются вотъ чѣмъ:

1. Носить званіе Старость и другія достоинства, которыми пользуются Поляки. Чтобы имѣть эти достоинства, надобно быть Дворяниномъ. Дворянъ нѣтъ между Раскольниками Греками и Перекрещенцами (Анабаптистами); есть они только у Лютеранъ и Кальвинистовъ.

2. У первыхъ считаютъ ихъ отъ 50 до 60 человекъ; нѣкоторые изъ нихъ пожалованы Староствами; таковъ, между прочими, Баронъ Гольцъ, котораго видали въ Парижѣ нѣсколько времени и который недавно вернулся оттуда. Между Кальвинистами считаютъ только отъ 20 до 30 Дворянъ, которые всегда пользовались свободнымъ отправленіемъ своего Богослуженія.

И, однако жъ, эти сто человекъ (которые никогда бы и не подумали требовать своихъ правъ, ни оказывать бесполезное сопротивленіе, если бы не подстрекали ихъ проски и честолюбивые виды Екатерины и Понятовскаго) устроили между собою планъ, клонившійся къ тому, чтобы дать новое Уложеніе (Конституцію) Польшѣ. Надобно показать обманчивость правилъ, въ защиту которыхъ хотятъ прикрыть честолюбивые замыслы Екатерины почтеннымъ названіемъ вѣротерпимости. Я сведу обстоятельство дѣла подъ одну точку зрѣнія.

Особенные Поляки, известные подъ именемъ Разновѣрцевъ, были ли принуждены прибѣгать къ иностранной Державѣ съ жалобами на переносимыя ими гоненія, или на угнетеніе, въ какомъ ихъ держать? Совсѣмъ нѣтъ. Имъ не чего было жаловаться на Рѣчь Посполитую, которая позволяла имъ пользоваться свободнымъ отправленіемъ ихъ Богослуженія. Лютеране, Кальвинисты и Перекрещенцы имѣютъ свои церкви и своихъ Священниковъ. Раскольники Греки (Православные) въ такомъ же положеніи. Какой же думаютъ они имѣть поводъ къ жалобамъ? Тотъ, говорятъ они, что Дворяне устра-

нены отъ Государственныхъ должностей и достоинствъ. Отвѣчали уже на эту статью, что Греки (Православные) и Перекрещенцы не Дворяне; что Лютеране и Кальвинисты раздѣляютъ военныя обязанности, и что одни только достоинства даютъ доступъ въ Сенатъ, а къ этимъ достоинствамъ они не допускаются. Сверхъ того Россіи не слѣдовало вмѣшиваться въ это дѣло. Разновѣрцы должны были представить свои требованія на общій сеймъ, и Рѣчь Посполитая одна имѣла право рѣшенія. Какими глазами Екатерина посмотрѣла бы на какую ни будь Державу, которая стала бы ее спрашивать, по чему Римскій Католикъ, Жидъ, Магометанинъ, или Лютеранинъ, родившись ея подданными, не допускаются къ первымъ должностямъ ея Государства?

Русскій Дворъ, безъ сомнѣнія, возразить, что договоръ Оливскаго мира доставляетъ Разновѣрцамъ тѣ же преимущества, какъ и Римскимъ Католикамъ; но пусть спросятъ Разновѣрцовъ, по чему они не требовали своихъ правъ, * и по какой роковой судьбѣ эта статья уже болѣе ста лѣтъ никогда не соблюдалась? За чѣмъ съ того времени тѣ же самые Разновѣрцы не относились съ своими жалобами къ такому Лютеранскому Государю, какъ Карлъ XII, въ то время, какъ этотъ Монархъ распоряжался ихъ короной точно своими домашними дѣлами? Царица и Понятовскій выбрали очень пустую побудительную причину. Какъ могли они подумать, что 80, или 100, человекъ заглушатъ крикъ болѣе 200 тысячъ, всегда смотрѣвшихъ на первыхъ, какъ на причину ига, подъ которое Россія и Пруссія хотятъ теперь подвести ихъ? Сверхъ того, если Протестантскія Государства сдѣланы участниками въ обезпеченіи Оливскаго договора, слѣдовало бы назвать также и Католическія Державы въ качествѣ поручителей этого договора. Ясно, что какимъ бы предложомъ ни пользовались Царица и Понятовскій для оправданія своихъ враждебныхъ дѣйствій въ Польшѣ, они не обманутъ никого, кромѣ такихъ людей, которые не хотятъ открыть глазъ, или имѣютъ выгоды держать ихъ закрытыми.

Слѣдствіе всего сказаннаго то, что Царица, возводя на Польскій престолъ Понятовскаго, имѣла только одно намѣреніе—утвердить свое могущество на могуществѣ Польши, и сдѣлать себѣ изъ

нея оплотъ въ томъ случаѣ, когда она подвергнется нападениюмъ Оттоманскаго Двора.

Если Екатерина поддерживаетъ себя на престолѣ, какъ считаетъ для себя лучшимъ; если она поступаетъ съ своими подданными, какъ ей угодно, ни кто не спроситъ у нея отчета въ образѣ ея дѣйствій; но употреблять предлогомъ самое похвальное и самое чело-вѣчное изъ побужденій для угнетенія свободнаго народа, значить хотѣть забавляться надъ достойнымъ уваженія народомъ и прези-рать Европу съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ Екатерина употребляетъ во зло довѣріе своихъ подданныхъ.

Екатерина и Понятовскій спокойно ожидали успѣха своихъ первыхъ попытокъ. Надобно было, во первыхъ, сдѣлать Короля Польскаго сильнымъ и болѣе неограниченнымъ, нежели его предшественники. Успѣвъ въ этомъ намѣреніи, Царица могла бы располагать Польскими силами, какъ своими. Чтобы оставить Рѣчи Посполитой хотя тѣнь независимости, Царица и Понятовскій положили между собою созвать свободное народное собраніе для дѣйствительнаго раз-смотрѣнія дѣла Разновѣрцовъ, а также для успѣха и другихъ пред-положеній, условленныхъ между ними. Собраніе не было ни обыкновен-ный, ни чрезвычайный, сеймъ, но скорѣе собраніе, образованное Конфедерацію.

Глава Конфедерации въ Польшѣ пользуется правами, которыми пользовались Диктаторы въ древнемъ Римѣ: воля его неограниченна; онъ имѣетъ право живота и смерти; самъ Король обязанъ доносить ему обо всемъ, касающемся блага Рѣчи Посполитой. Человѣкъ съ умомъ на этомъ мѣстѣ заставилъ бы Государя пошатнуться на своемъ престолѣ, могъ бы даже сдѣлать и больше. Для видовъ Ца-рицы и Короля Польскаго надобно было имѣть на этомъ мѣстѣ че-ловѣка, имъ преданнаго. Въ этомъ отношеніи они обратили взоры на Князя Радивила, которому досталось на долю только знамени-тое имя, но слабый характеръ его заставилъ ихъ дорожить его выборомъ. Этотъ Господинъ, со времени упраздненія престола, всегда былъ противникомъ выгодъ Понятовскаго: его, изгнанна-го изъ Польши Русскими, лишеннаго всѣхъ доходовъ, видѣли ски-тальцемъ въ Государствахъ Угорской Королевы и въ Саксоніи. На-конецъ, примѣняясь ко времени и обстоятельствамъ, онъ вернул-ся на свою сторону. Понятовскій, имѣя свои виды на Радивила, сдѣлалъ ему пріемъ, совершенно отличный отъ того, какого ожи-

далъ Князь. Онъ возстановилъ его во владѣніи всѣхъ его имѣній; но этотъ благородный поступокъ былъ только вступленіемъ къ тому, что предполагали еще дать ему, чтобы привязать его къ себѣ неразрывными узами. Спустя немного времени созвали собраніе изъ нѣсколькихъ Сенаторовъ, которое обращено было въ Конфедерацію, и Радивилъ назначенъ ея главою, и этотъ Князь дѣлается тогда страдательнымъ орудіемъ въ рукахъ Понатовскаго и Русскаго Посла, слѣпо преданнымъ ихъ волѣ.

Первое дѣло, предложенное этой Конфедераціи, было дѣло о Разповѣрцахъ. Воевода и Епископъ Краковскій и Воевода Кіевскій были такими великими ревнителями за обычай Рѣчи Посполитой, что не могли не возстать противъ требованія, клонившагося къ совершенному уничтоженію ихъ. Эти три Сенатора говорили съ сполною, внушаемою честнымъ правомъ. Значеніе, которымъ они пользовались, дѣлало ихъ еще страшнѣе для Россіи; и съ этой поры поклялись погубить ихъ. Одинъ Русскій Полковникъ получилъ приказаніе взять ихъ: это и было сдѣлано посреди Варшавы, въ ночь съ 13 на 14 Октября, 1767 года, безъ малѣйшаго сопротивленія всей Рѣчи Посполитой. Каковъ народъ! Каковъ Король!

Да позволять мнѣ здѣсь отступленіе, не совсѣмъ постороннее для моего разсказа.

Графъ Понатовскій, нынѣшній Король Польскій, какъ частный человѣкъ, пользовался самымъ лестнымъ уваженіемъ; сдѣлавшись Государемъ, онъ увидалъ себя предметомъ ненависти своихъ согражданъ и лучшихъ друзей. Видѣли, что одинъ знаменитый сочинитель расточалъ Екатеринѣ похвалы, разумѣется, выпрошенные, какъ милостыня. Одинъ Польскій патриотъ не постыдился обнародовать отвѣтъ въ видѣ письма, для оправданія Польскаго Короля во всѣмъ, случившемся въ его странѣ съ 1766 года. Онъ утверждаетъ, что этотъ Государь не имѣлъ ни какого участія въ жестокостяхъ, которыхъ столько было тамъ совершено Русскими; но предположивъ, что онъ не приказывалъ увозить Епископовъ и Сенаторовъ, сопротивлявшихся волѣ Екатерины, не долженъ ли онъ быть говорить какъ Государь съ этой Царицей, и сказать, что онъ предоставляетъ себѣ наказаніе виноватыхъ, если, однако жъ, они таковы въ самомъ дѣлѣ? Не вообразилъ ли сочинитель этого письма, что безпристрастная публика повѣритъ поступкамъ Польскаго Короля? Онъ прекрасно говоритъ намъ, что, не довольствуясь приказаніемъ сейму от-

привѣтъ торжественную депутацію, съ точною просьбою объ освобожденіи взятыхъ, Польскій Король подалъ еще черезъ Посланника очень настоятельную записку по этому предмету. Никогда не удастся ему увѣрить, что эти поступки были совершенно искренни, тогда какъ извѣстно, что они уже заранѣе были условлены съ Россіей.

Жертвы, требуемая пользою и правами, которыми пользовался Польскій Король, въ силу законовъ Государства, и *Pacta conventa*, предметъ удивленія для Польскаго патриота; но онъ позволить намъ оставить его одного удивляться тому. Понятовскій былъ бы гораздо выше въ глазахъ Европы, когда бы сталъ во главѣ своего народа для защиты его вольностей и льготъ, нежели когда отказывался отъ своихъ доходовъ для содержанія Кадетскаго Корпуса, который обстоятельства сдѣлали ненужнымъ учрежденіемъ, и для облегченія, говорить сочинитель, своихъ подданныхъ отъ платежа податей. Скажу Польскому патриоту, что Понятовскій, поступаая такъ, имѣлъ другія намѣренія. Онъ стремился только къ порабощенію своего отечества, и, для основанія тамъ самоуправства на еще болѣе непоколебимыхъ началахъ, онъ старался вовлечь въ свои выгоды простой народъ, который, видя только дѣло настоящей минуты, позволяетъ себя обмануть блескомъ ничтожной выгоды, для него дѣлаемой. Къ несчастію для Понятовскаго, феодальное управленіе, господствующее почти во всей Польшѣ, могло только вредить его замысламъ, которые открылись въ то же самое время, когда онъ дѣлалъ имъ не кстатіи опытъ. Не назоветъ ли Польскій патриотъ низкимъ клеветникомъ писателя, который ничего болѣе, какъ строгій наблюдатель? Судьба Польши способна вызвать участіе всѣхъ ненавидящихъ неправду, и будетъ несправедливо, если Понятовскій найдетъ предосудительными размышленія, къ которымъ онъ самъ подалъ поводъ, по тому что не станеть же онъ скрывать отъ самаго себя, что безъ его тѣсной дружбы съ Екатериной отечество его всегда бы сохранило свободу, столь драгоценную республиканцамъ.

Графъ Замойскій, Великій Канцлеръ, вполне преданный новому Королю, какъ приверженецъ дома Черторыйскихъ, былъ слишкомъ гордъ, чтобы видѣть хладнокровно такія возмутительныя жестокости. Онъ не замедилъ отказаться отъ должности, чтобы ни современники, ни потомство, не могли упрекнуть его въ участіи въ такомъ ненавистномъ заговорѣ. Такой поступокъ перваго Министра Польши, котораго несчастіе, казалось, должно было еще сильнѣе при-

вязывать къ придворной сторонѣ, былъ, можетъ быть, первою искрой, спустя четыре мѣсяца воспламенившей всѣ эти частныя Конфедерации, образовавшіяся одна за другою. Соединенному Польскому народу, безъ сомнѣнія, не трудно бы было справиться съ Русскими, если бы дѣло шло объ одной только храбрости; но все Польское Дворянство могло противопоставить Русской пѣхотѣ одни легкія войска, а они никогда не могли устоять противъ опытныхъ пѣхотныхъ войскъ, большая часть которыхъ издавна привыкла къ огню. Оттоманская Порта, мало предвидѣвшая въ этомъ обстоятельствѣ свои пользы и опасность, какой она подвергаетъ себя, допуская Россію утвердить за собою рѣшительную власть въ Польшѣ, не вмѣшалась бы еще въ это дѣло, если бы оскорбленіе Турецкихъ границъ преслѣдованіемъ Конфедератовъ до Балты не заставило ее опасаться въ послѣдствіи менѣе косвенныхъ враждебныхъ дѣйствій. Безъ этой обиды, жадность, или измѣна, Оттоманскаго Министра удержала бы еще можетъ быть эту обширную Имперію въ томъ одѣнтіи, въ которомъ оставалась она такъ долго. Можетъ быть, скажутъ, что Порта имѣла причины медлить: но не было ли это изъ страха навязать себѣ на шею Австрію? Турецкій Министръ долженъ бы былъ знать, что съ этой стороны ему нечего было бояться. Домъ Австрійскій не будетъ безъ причины тратить свою казну и проливать кровь своихъ войскъ для возвращенія Бѣлграда и Сербіи, пока остается ему еще лучъ надежды на Силезію, такъ для него удобную, которой верхняя часть облегчаетъ для него входъ въ Моравію и Чехію. Дѣйствительное продолженіе Польши не даетъ ему надежды увидать возвращеніе прекрасныхъ дней Собѣйскаго. Такимъ образомъ Турку нечего бояться, кромѣ Русскихъ, и войны, которая онъ будетъ вести, достаточно покажутъ ему необходимость обученія войскъ, которыхъ онъ могъ бы противопоставить свирѣпой силѣ Русскихъ. Онъ долженъ понимать, какъ полезно для него препятствовать утвердиться Русскимъ, посредствомъ ли завоеваній, или союзовъ, которые, доставляя болѣе прочности ихъ Государству, въ то же время должны дѣлать его страшнѣе сосѣдямъ.

Керни-Герать, Татарскій Ханъ, будучи предусмотрительнѣе Турецкаго Министра относительно выгодъ Порты, предвидѣлъ издадека намѣренія Русскихъ, и счелъ своимъ долгомъ подать мнѣніе Оттоманскому Двору. Россія, въ досадѣ, что ее подглядѣлъ Аргусъ, которому выгодно было ссорить оба Двора, успѣла постараться,

чтобы его низложили и отправили въ ссылку. Дворы Вѣнскій и Берлинскій ждали спокойно исхода первыхъ сраженій, которыя должны послѣдовать между Русскими и Турками. Воображали, что первыя сраженія будутъ выиграны Россіей: но не могло ли имѣть мѣста и то мнѣніе, что побѣдители Бѣлграда одержать напослѣдокъ верхъ? Изъ паняческаго ли страха, по недостатку ли дисциплины, или по неспособности Турокъ, они имѣли до сихъ поръ только очень посредственныя выгоды, которыя не могутъ ити въ сравненіе съ блестящими успѣхами Россіи.

Прошло уже много лѣтъ, какъ Дворы Версальскій и Берлинскій не имѣли взаимныхъ Пословъ. Покушались много разъ, однако жъ бесполезно, установить взаимное доброе расположеніе: ни тотъ, ни другой Дворъ, не хотѣлъ начинать первый. Выпавшій случай привелъ Герцога Шуазеля въ возможность начать переговоры съ Берлинскимъ Дворомъ (не унижая, однако жъ, славы своего Государя), имѣвшіе цѣлю обезпечить спокойствіе Польши и заставить Русскій Дворъ отказаться отъ его притязаній на это Государство. Дѣло шло о возвращеніи Рѣчи Посполитой свободы выборовъ, прекращеніи дѣла о Разновѣрцахъ и предоставленіи этому народу независимости въ избраніи его Короля. Прусскій Государь нашелъ способъ уклониться отъ всѣхъ такихъ предложеній подъ предлогомъ союза съ Дворами Русскимъ и Польскимъ. Онъ объявилъ, что не можетъ согласиться на эти предложенія, будучи обязанъ договоромъ сохранять для Короля престолъ, имъ занимаемый, и въ то же время велѣлъ внушать Дворамъ Вѣнскому и Петербургскому, что Франція дѣлала ему очень выгодныя предложенія, которыхъ онъ не хотѣлъ слушать; не довольствуясь тѣмъ, онъ воспользовался уведомленіемъ для переговоровъ съ Вѣнскимъ Дворомъ, ко вреду Версальскаго, внушая подозрѣнія первому въ прочности своего союза съ Франціею.

Какъ ни великъ въ политикѣ Прусскій Король, у него, однако жъ, бываютъ довѣрчивыя мгновенія, когда онъ самъ позволяетъ нерѣдко отгадывать себя: довольный собою, онъ пускается въ откровенности, въ которыхъ черезъ минуту раскрывается. Вотъ какъ онъ выражался объ этомъ предметѣ съ однимъ изъ своихъ любимцевъ въ ту минуту, когда думалъ, что успѣлъ произвести разрывъ между Франціею и Австріею. «Вижу съ величайшимъ удовольствіемъ продолжающійся раздоръ въ Польшѣ и споръ, который, кажется, под-

нимется изъ за раздѣла этого Государства. Посреди этихъ козней я могу сдѣлать успѣшными свои замыслы. Всѣ разговоры, которые мои Послы ведутъ при иностранныхъ Дворахъ противъ Франціи, совсѣмъ не дѣло моей привязанности къ Австріи, которой я не люблю больше; но это хорошо, чтобы поразгорячить этѣ объ Державы, заставить ту и другую ввести войска въ Австрійскіе Нидерланды, и раздѣлить силы Австріи, которая помѣшаетъ мнѣ нанести замышляемые удары.»

Герцогъ Шуазель, извѣщенный довѣреннымъ лазутчикомъ обо всемъ происходившемъ, медалилъ, сколько было можно, и думалъ, что ему слѣдовало дожидаться Прусскаго Посла, прибывшаго въ Парижъ въ Маѣ 1769 года. Не будетъ неумѣстнымъ замѣчаніе, что сначала дѣло шло о торговомъ договорѣ между Пруссією и Францією; но Король Прусскій далъ разумѣть, что особенныя соображенія препятствуютъ ему сдѣлать какой ни будь поступокъ, который могъ бы подать подозрѣніе Россіи. Согласились дожидаться пріѣзда Барона Гольца для окончательнаго заключенія этого договора, о предварительныхъ статьяхъ котораго согласятся чрезъ посредство частнаго лица, Француза, посланнаго Герцогомъ Шуазелемъ въ Берлинъ для переговоровъ прямо съ Королемъ.

Каково же было изумленіе Герцога Шуазеля, когда онъ услышалъ требованія Барона Гольца! Не Генералъ былъ тотъ переговорщикъ, который явился для возстановленія добраго согласія между двумя Дворами, уже съ давняго времени жившими въ холодныхъ отношеніяхъ другъ къ другу: это былъ Полковникъ изъ Россіи, безъ сомнѣнія, ожидавшій по пріѣздѣ тѣхъ же учтивостей и угожденій при Версальскомъ Дворѣ, которыя расточались для него въ Петербургѣ и Варшавѣ. Герцогъ Шуазель, знавшій, сколько можно полагаться на союзъ Прусскаго Короля, договаривался съ достоинствомъ о выгодахъ Короля, его Государя, и совершенно отвергнулъ требованія Прусскаго Посла. Не замедлили узнать, чему вѣрить той и другой сторонѣ, и разговоры у Герцога Шуазеля съ Барономъ Гольцемъ больше велись только относительно приличій, до тѣхъ поръ, пока нѣкоторыя непріятности, испытанныя Барономъ Гольцемъ, о которыхъ онъ извѣстилъ свой Дворъ, заставилъ отозвать его въ Ноябрь того же года.

Прусскій Король не упускалъ изъ виду своихъ замысловъ. Ему нравилось видѣть Россію въ схваткахъ съ Турцією; но такъ какъ

первая все была въ выгодѣ, онъ почувствовалъ къ ней особенную привязанность и сдѣлалъ ей увѣренія въ томъ, что, при первомъ ея требованіи, онъ доставитъ ей войска, которыя, можетъ быть, ей понадобятся. Предложеніе ни къ чему его не обязывало: все бѣжало отъ Русскаго оружія, и Прусскій Король изъ глубины своего Потсдамскаго кабинета впередъ уже считалъ подарки, которые должны будутъ сдѣлать ему за всякое возможное для него вспоможеніе. Но такъ какъ для него было выгодно сбивать всѣхъ съ толку своими дѣйствіями, онъ сдѣлалъ Оттоманской Портѣ заявленія миротворца, увѣряя ее особливо въ своемъ желаніи положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ и согласить выгоды обѣихъ Имперій, но въ то же время онъ заставлялъ переходить въ Русскую армію Офицеровъ, Генераловъ и Оберъ-Офицеровъ, которые должны были дѣйствовать противъ Турокъ.

Поореди ссоръ между Дворами Русскимъ, Константинопольскимъ и Польскимъ, всего страннѣе должно было казаться поведеніе Англіи въ разсужденіи ея пользы. Можно ли было подозрѣвать когда ни будь, что она станетъ участвовать въ вооруженіяхъ, сдѣланныхъ Россією въ Средиземномъ морѣ? Да и не крайняя ли нелогичность помогать этой Державѣ? Россія не знала еще, какое употребленіе можетъ сдѣлать изъ своихъ флотовъ, если бы не научила ее Англія. Правда, что волею случая, не смотря на успѣхи, Русскій флотъ не получалъ тѣхъ выгодъ, которыхъ ожидалъ отъ истребленія Турецкой эскадры. Язва, голодъ, жажда и другія случайности сдѣлали больше вреда Русскимъ, нежели Туркамъ, которые удержали Дарданелы, не смотря на повторенныя покушенія Русскихъ овладѣть этимъ проливомъ.

Побѣдоносная Екатерина видѣла въ самомъ жалкомъ положеніи свои финансы, лучшія войска ея были большею частію истреблены: однако жъ отступать было для нея не возможно, слѣдовало опять выйти въ поле. Она прибѣгнула къ Голландцамъ. Агенты, очень старавшіеся превозносить могущество Екатерины и ея надежды, убѣдили Голландцевъ ссудить ей нѣсколько милліоновъ рублей. Благодаря этому новому пособію, двинули армію къ Дунаю, но отказались отъ морскихъ предпріятій: они стоили очень дорого, а приносили очень мало, по тому-то и старались избѣгать новыхъ случайностей.

Турки научились уже не бѣгать при первомъ появленіи Рус-

скихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они держались хорошо. Начальствовавшій Визирь умѣлъ взять предосторожности, чтобы не дать разстроить себя Русскому Генералу; но подъ конецъ войны не повиновеніе Турецкихъ войскъ въ одну минуту лишило Визиря всѣхъ плодовъ его дѣятельности.

До сихъ поръ Австрійскій Домъ былъ зрителемъ военныхъ подвиговъ Русскихъ противъ Турокъ, не вступаясь ни прямо, ни косвенно, въ ссору; но Вѣнскій Кабинетъ смотрѣлъ не безъ тревоги на успѣхи Русскихъ. Въ исходѣ 1770 года онъ началъ желать себѣ посредничества между обоими Дворами. Императоръ приказалъ рекрутскій наборъ и заставилъ двинуться въ Угрію армію, которая должна была заниматься только наблюденіемъ движеній двухъ воюющихъ Державъ и составлять цѣпь (кордонъ) для воспрепятствованія набѣгамъ легкихъ войскъ, Русскихъ и Турецкихъ. Прусскій Король, владея, какъ ни кто другой, обаятельнымъ искусствомъ располагать къ себѣ людей, хорошо предвидѣлъ всю пользу, какую можетъ извлечь изъ свиданія съ Императоромъ. Фридрихъ прежде всего ловко внушилъ ему сомнѣнія въ прочности нашего союза; онъ старался подтвердить ихъ, представляя ему Францію, какъ непостоянную союзницу, ожидавшую истощенія его финансовъ. Эти и другія внушенія въ такомъ же родѣ произвели на Императора такое дѣйствіе, какого ожидалъ Прусскій Король, а съ тѣхъ поръ Вѣнскій Дворъ получилъ недоувѣріе къ Шаузелю, бывшему еще Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ; увѣдомленный своими Агентами обо всемъ происходившемъ, Шуазель не преминулъ высказать свое неудовольствіе Барону Гольцу, который, подобно своему Государю, всегда увѣрялъ, что Прусскій Король сохраняетъ къ Франціи самыя дружескія чувства.

Движенія Императора обратили вскорѣ вниманіе зрителей. Совсѣмъ не знали, что думать объ его наблюдательной арміи. Одни полагали, что Турецкій Дворъ содержитъ ее на жалованьи противъ Россіи; другіе назначали ее въ походъ на Турокъ. Наконецъ, къ половинѣ 1771 года узнали, чему вѣрить. Императоръ овладѣлъ нѣсколькими округами Польши, которыхъ требовалъ къ себѣ обратно, какъ владѣній, захваченныхъ Рѣчью Посполитой подъ тѣмъ предлогомъ, что они принадлежали его Дому.

Прусскій Король, остававшійся до сихъ поръ спокойнымъ, полагалъ, что не должно позволять дѣйствовать Императору, не дѣлая

съ своей стороны покушений, которыя могли принести ему коекакія существенныя выгоды. Этотъ Государь, какъ я уже и говорилъ, съ 1769 года умножилъ свою армію пятью, или шестью, батальонами. Онъ ждалъ только минуты сдѣлать изъ нея употребленіе. Случай представился. Нѣкоторыя сопротивленія Гданскихъ жителей насильствамъ какихъ-то Прусскихъ вербовщиковъ не понравились Прусскому Двору. Тотчасъ же даны приказанія двинуться корпусу войскъ, который долженъ занять всю Гданскую область и стоять тамъ на всей своей волѣ до тѣхъ поръ, пока его Прусскому Величеству угодно будетъ назначить денежное взысканіе, какимъ соизволить онъ обложить этотъ свободный городъ, осмѣлившійся защищать права свои отъ вербовщиковъ. Однако жъ, послѣ многихъ представленій со стороны городскихъ властей, Прусскій Король соизволилъ склониться на Королевскую милость и даровать городу Гданску пощаду, которой онъ просилъ у него, за 16 тысячъ червонцевъ: съ этой минуты Польша осуждена была безъ обжалованія на уплату издержекъ, сдѣланныхъ для ея покоренія.

Такой поступокъ, имѣвшій полный успѣхъ, какого только могли ожидать, ободрилъ Прусскаго Короля къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Этотъ Государь, какъ я говорилъ уже, предвидѣлъ всѣ выгоды, какія можетъ извлечь изъ войны. Какъ искусный политикъ, онъ воспользовался первыми открытіями, сдѣланными ему Франціей, для переговоровъ съ Дворами Вѣнскимъ и Петербургскимъ. Особливо послѣдній, видя свои выгоды въ поддержаніи системы ослабленія Польши и сохраненія Понятовскаго на Польскомъ престолѣ, общалъ Прусскому Королю все, лишь бы только этотъ Государь согласился дѣйствовать за одно съ нимъ. Сдѣлали мирныя предложенія Оттоманской Портѣ, и Прусскій Король на первыхъ же порахъ оказался посредникомъ этой Великой Державы. Легко было видѣть, что Россія, Пруссія и Король Польскій намѣревались удалить Францію отъ предположеннаго мирнаго договора; но какъ могли они надѣяться, что Франція останется безъ вмѣшательства въ это дѣло? Предварительныя статьи были отвергнуты Оттоманскимъ Дворомъ: онъ началъ дѣлать новыя приготовленія къ настоящей войнѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ Франція нашла себя не далеко отъ разрыва съ Англіей. Недоразумѣнія, происшедшія между этой Державой и Испаніей, возбуждали скорую войну между обоими Дворами, и семейный договоръ ставилъ Францію въ неизбѣжную необходи-

мость готовить для Испаніи вспомогательныя войска, а это заставляло ее ограничиться своими собственными дѣлами и предоставить Конфедератовъ самимъ себѣ. Однако жь Англичане въ то время не могли противопоставить достаточныхъ силъ соединенному оружію Франціи и Испаніи: эта невозможность привудила ихъ отказаться отъ своихъ требованій. Испаніи хотѣлось воевать; Франція и Англія желали мира; этотъ миръ заключенъ былъ въ Декабрѣ 1770 года и подписанъ въ Генварѣ слѣдующаго.

Это было въ то самое время, когда непредвидѣнная опала Герцога Шуазеля явилась измѣнить положеніе дѣлъ. Дворы Петербургскій и Берлинскій узнали съ величайшею радостью эту новость. Первый былъ убѣжденъ, что война, лежавшая у него на шеѣ, была возбуждена этимъ Министромъ; Прусскій Король, имѣвшій частную неприязнь къ Герцогу Шуазелю, воображалъ, что все предложенія, сдѣланныя ему Франціей, была только западня, которую хотѣли ему поставить. Французскій Министръ, съ своей стороны, всегда держалъ себя въ оборонительномъ положеніи противъ Короля Прусскаго: такимъ образомъ отставка Герцога Шуазеля сдѣлала очень довольными эти обѣ Державы. Не такова была она для Конфедератовъ, потерявшихъ сильнаго покровителя въ лицѣ этого Герцога. Такъ какъ должность Министра Иностранныхъ Дѣлъ нѣсколько времени оставалась не занятою, то дѣйствія за Конфедератовъ Посланника ихъ, Графа Вельгорскаго не могли принести имъ пользы. Слѣдовало дожидаться, пока угодно будетъ Королю назначить Министра, съ которымъ могъ бы Вельгорскій договориться о пользахъ своихъ довѣрителей. Въ Маѣ слѣдующаго года Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ назначенъ былъ Герцогъ Эгильонъ. Дипломатическій Корпусъ поздравлялъ себя съ выборомъ, сдѣланнымъ Королемъ: Этотъ Господинъ съ большимъ умомъ и способностями, сверхъ того пользовавшійся извѣстностью весьма трудолюбиваго челоуѣка, соединялъ въ себѣ все качества, необходимыя для этого мѣста, котораго онъ заслуживалъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ввѣренное ему Министерество требовало всего благоразумія, къ которому онъ былъ способенъ. Чтобы ни какимы случайностями не подвергаться при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, этотъ Министръ полагалъ, что ему ничего не должно измѣнять въ системѣ, усвоенной его предмѣстникомъ, и поддерживалъ, сколько могъ, дѣло Конфедератовъ, занимаясь главное средствами къ примиренію различныхъ интересовъ.

Со времени отставки Герцога Шуазеля, Король Прусскій, по видимому, старался больше сблизиться съ Франціей. Чувства этого Государя относительно Герцога Эгильона совсѣмъ не были сомнительны. «Французскимъ Министромъ долженъ быть Государственный человѣкъ, и не могу постигнуть, какъ могли сдѣлать промахъ и не выбрать раньше Герцога Эгильона. Онъ одинъ въ состояніи поправить умы, которые острыя слова и пріятныя шутки его предшественника только помutilи иностранныхъ Дворовъ.»

Не должно удивляться образу выраженія этого Государя относительно Герцога Шуазеля: онъ позволилъ себѣ нѣкоторыя шутки на счетъ Герцога, который не остался въ долгу у Прусскаго Короля, и этотъ послѣдній никогда не прощалъ Французскому Министру коекакихъ возмездій, за которыя не могъ отплатить какъ бы ему хотѣлось. Онъ велѣлъ своему Повѣренному въ Парижъ сдѣлать нѣкоторыя внушенія Герцогу Эгильону, который далъ отвѣтъ, заставлявшій думать Короля, что не чуждаются выслушать его предложенія, но сначала надобно согласиться о назначеніи Посланниковъ съ той и другой стороны. Отзывъ Барона Гольца до того походилъ на разрывъ, что Французскій Король не могъ безъ униженія для себя первый назначить Посланника. Это назначеніе было, однако жъ, отложено до возвращенія изъ путешествія въ Компьень, гдѣ находился въ то время Дворъ, чтобы дать Прусскому Королю время для его соображеній. Но приготовления, которыя не переставали дѣлать этотъ Государь, наводили на думу Герцога Эгильона, и онъ спрашивалъ объ ихъ цѣли у Прусскаго Повѣреннаго въ Дѣлахъ. Этотъ не замедлил объявить, что Государь его, при самыхъ миролюбивыхъ видахъ, дѣлалъ эти движенія только для спокойствія своихъ Государствъ. Хорошо знали, чему вѣрить, но надобно было скрытничать.

Вѣнскій Дворъ, съ своей стороны, жалалъ, чтобы Франція высказалась, чью сторону предполагаетъ она взять въ настоящей войнѣ. Герцогъ Эгильонъ, знавшій намѣренія своего Государя, хотѣлъ, во что бы то ни стало, сохранить миръ, и по тому старался, сколько могъ, уклоняться отъ положительнаго отвѣта, котораго у него спрашивали. Вѣнскій Дворъ, котораго планъ, безъ сомнѣнія, былъ составленъ, полагалъ, что не должно ни чего измѣнять въ этомъ планѣ, и занимался только ередствами къ переговорамъ съ Прусскимъ Дворомъ, для согласнаго дѣйствія съ нимъ относительно раздѣла Польши.

Прусскій Король, въ Августѣ увѣрившій Герцога Эгильона въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, къ 10-му Октября двинулъ въ Польшу многіе эскадроны кавалеріи, пѣхоту и довольно значительный артиллерійскій паркъ; для соединенія съ войсками, вышедшими туда прежде. Легко было увѣриться изъ этого поступка въ полномъ единомысліи между Россією и Пруссією. Первая должна была понести довольно важный уронъ при осадѣ Журжева. Русская Императрица, опасаясь большихъ успѣховъ Турецкой арміи, убѣдила своего вѣрнаго союзника, Прусскаго Короля, ити на вспоможеніе ей, для удержанія Польскихъ Конфедератовъ, которые могли бы сдѣлать сильное движеніе въ пользу Турокъ; но суждено было, чтобы успѣхи Оттоманскаго оружія были не продолжительны: Турки, на которыхъ опять напали Русскіе въ ихъ окопахъ и крѣпостяхъ, были разбиты и прогнаны на средину Дуная. Съ другой стороны, Великій Визирь, покинутый своими войсками, увидѣлъ себя принужденнымъ къ отступленію въ Силистрію едва съ 7-ю стами человекъ. Удивительно ли, что, имѣя противниковъ, такъ мало страшныхъ въ бою, Русскіе составляютъ планы завоеваній гораздо обширнѣе?

Екатерина каждый день создавала новыя требованія. Конфедераты, съ своей стороны, чувствовали для себя плохія послѣдствія успѣховъ Русскихъ надъ Турками, и положеніе дѣлъ ихъ въ Польшѣ становилось болѣе и болѣе опаснымъ. Генеральная Конфедерация употребила послѣднее представившееся средство и объявила престолъ упраздненнымъ. Одинъ Пулавскій показалъ больше твердости для защиты свободы своего отечества. Онъ предпринялъ для того самый смѣлый планъ, въ которомъ и успѣлъ бы, если бъ ему лучше помогали: надобно было похитить Понятовскаго среди Варшавы и получить самыя выгодныя мирныя условія для отечества подъ защитою этого знаменитаго плѣнника. Заговоръ приведенъ въ исполненіе безъ большаго труда, и Понятовскій похищенъ, не получивъ ни отъ кого ни какой помощи; но совѣстливость того, кто взялъ на себя это дѣло, не дала Королю попасть въ руки Пулавскаго, который съ такимъ заложникомъ вскорѣ предписалъ бы законы побѣдителямъ. Этотъ случай, который въ началѣ долженъ бы былъ обратиться къ невыгодѣ Польскаго Короля, напротивъ послужилъ только къ тому, чтобы еще лучше утвердить его на престолѣ. Вѣнскій и Французскій Дворы гнушались поступкомъ Конфедератовъ: первый велѣлъ дать знать имъ, чтобы не рассчитывали больше на его покровительство,

ни на какое либо убѣжище въ Австрійскихъ владѣнiяхъ. Франція, съ своей стороны, отказалась продолжать пособіе, которое подавала имъ до сихъ поръ, и велѣла внушить, что имъ не остается другой рѣшимости, кромѣ покорности.

Однако жъ среди всѣхъ этихъ несчастій, Конфедераты все еще сражались въ защиту своей свободы. Нѣсколькимъ иностраннымъ Офицерамъ, которыхъ они принудили присоединиться къ нимъ, и помощи ихъ были обязаны многими успѣхами, вскорѣ внушившими имъ болѣе смѣлые планы. Надобно было взять приступомъ городъ и крѣпость Краковъ, защищаемые довольно значительнымъ Русскимъ корпусомъ. Предпріятіе, наперекоръ всѣмъ ожиданіямъ, удалось: тѣмъ обязаны, была храбрости 20, или, 30 человекъ, имѣвшихъ своими начальниками двоихъ, или троихъ, самыхъ неустрашимыхъ Офицеровъ. Взятіе этой крѣпости встревожило Русскихъ. Они употребили всѣ усилія для прогнанія Конфедератовъ, которые оказали еще чудеса храбрости при оборонѣ этого мѣста, но, подавленные числомъ, при недостаткѣ въ аммуниціи и съѣстныхъ припасахъ, принуждены были наконецъ сдаться.

Потомство съ трудомъ повѣритъ тому, что происходитъ, однако жъ, и никогда не пойметъ побужденій, которыя могли принудить Вѣнскій Дворъ оставить на разореніе Польшу, не объявивъ себя въ ея пользу. Почти не легче будетъ увѣрить себя, что дружескія связи, по видимому, существующія между Дворами Вѣнскимъ и Берлинскимъ, были совершенно искреннія. Первый перенесъ удары, слишкомъ чувствительные для Австріи, чтобы она могла позабыть ихъ. Сверхъ того, для лучшаго показанія пружинъ, которыя приводилъ въ дѣйствіе Прусскій Король, не бесполезно будетъ помѣстить здѣсь одинъ анекдотъ: онъ познакомитъ съ средствами, употребляемыми этимъ Государемъ для успѣха въ своихъ намѣреніяхъ.

Во время послѣдней войны Король Прусскій употреблялъ въ дѣло все, чтобы навлечь Австрійскому Дому какъ можно больше враговъ. Онъ сдѣлалъ для себя упражненіе въ декламациі противъ него черезъ своихъ Посланниковъ при всѣхъ Дворахъ, а особливо во Франціи и Турціи. Въ Константинополь онъ послалъ по этому дѣлу одного искателя приключей, по имени Годе (Haudeux), прежняго учителя дѣтей у какого-то купца. Этотъ учитель скрылъ себя подъ именемъ Бекзина (Bekzin). Порученіе его относилось только къ дружескому договору, который онъ предложитъ Портѣ и кото-

рый, когда это тайное дѣло было провѣдано, Фридрихъ хотѣлъ выдать въ Европѣ за торговый договоръ; но тайныя наставленія этого соглядатая были одною плетеницею клеветъ на Австрійскій Домъ. Онъ долженъ былъ описать Туркамъ Австрію посвященною во всѣ планы, предположенные въ Россіи, и представить объ этѣ Державы соединенными одними выгодами для покушенія на вольности Польскаго народа и расположенными даже обратить свои усилія противъ Оттоманской Порты; но Турки, получившіе, съ своей стороны, самыя точныя доказательства искренности этихъ обоихъ Дворовъ, не замедлили проникнуть намѣренія Прусскаго Короля и выслали этого мнимаго Посла. Потсдамскій Кабинтетъ заявилъ въ этомъ случаѣ величайшее пренебреженіе къ Шведскому Двору. Бекцина отправили прямо къ Шведскому Посланнику въ Константинополь и требовали отъ него пособія дѣйствіямъ лазутчика. Шведскій Дворъ, чувствительный къ такимъ неумѣстнымъ поступкамъ, жаловался на это, но Прусскій Король, привыкшій говорить, какъ Государь, принялъ очень дурно это представленіе и думалъ, что сдѣлалъ слишкомъ много чести Швеціи, распорядясь ея Посланниками, какъ своими слугами, и съ обыкновенною обидчивостью осмѣялся даже требовать удовлетворенія отъ Двора, передъ которымъ былъ кругомъ виноватъ. Неуспѣшность этихъ переговоровъ не уронила духа у Берлинскаго Двора. Онъ рѣшился на новую попытку. Она была возложена на одного чловека, по имени Вареня, и имѣла успѣхъ не лучше первой. Переговорщикъ поссорился съ своимъ Государемъ: онъ сдѣлалъ больше расходовъ, нежели хотѣли. Надобно было дѣлать подарки Министрамъ Порты, а Фридрихъ никогда не соглашался на статьи такого рода. Слѣдовательно, всѣ его тайныя внушенія не повели ни къ чему. Прусскій Государь искалъ въ себѣ самомъ тѣхъ пособій, которыхъ не могъ достать въ другомъ мѣстѣ; и геній его не замедлялъ открыть средства; но тому что никто лучше этого Государя не знаетъ коварнаго способа вредить врагамъ. нѣтъ честолюбивыхъ намѣреній, которыхъ бы онъ не приписывалъ имъ, и всѣ эти средства съ его стороны только приготовительныя мѣры для тѣхъ великихъ ударовъ, нанесеніе которыхъ онъ предоставляетъ самому себѣ.

Прусскій Король нынѣ дѣлаетъ съ Австріею то же самое, что дѣлалъ въ 1758 году съ Франціей. Тогда онъ всѣмъ пользовался, чтобы разсорить эти оба Двора и навязать Австріи столько враговъ, сколько можно будетъ. Теперь эту Державу онъ сдѣлалъ сре-

доточіемъ своей политикѣ, имѣя величайшую выгоду въ удаденіи Франціи отъ дѣлъ Сѣвера. Но хотя внушенія этого Государя не были совершенно безплодны, сомнительно, чтобы ему удалось когда ни будь произвести явный разрывъ между Франціею и Австріею. Раздоръ видѣлъ паденіе той преграды раздѣленія и соперничества, мѣшавшей этимъ двумъ Державамъ взглянуть внимательнѣе на свои взаимныя выгоды. Истина открыла имъ глаза и породила въ сердцахъ уважавшихъ друга друга Государей желаніе скрѣпить союзомъ ихъ личную дружбу. Этотъ союзъ, сокрушая гидру предрасудковъ, раздѣлявшихъ нѣкогда оба Двора, сдѣлался для ихъ подданныхъ счастливымъ залогомъ добраго согласія, которое должно существовать между обоими Дворами. *

Надобно удивляться, что Россія, безъ всякаго уваженія къ тому, чѣмъ обязана она Австріи, рѣшилась предоставить Польшѣ одно изъ двухъ: или подчиниться ея игу, или испустить духъ подъ ея ударами. Есть ли что ни будь противоположнѣе всякой идеѣ справедливости и чести этихъ приведенныхъ въ исполненіе дѣйствій и побужденій, которымъ хотѣли дать законную силу для оправданія войны и жестокостей, совершенныхъ и совершаемыхъ еще теперь въ этой несчастной странѣ? Чтобы увѣриться въ томъ, стоитъ только сдѣлать правильный выводъ изъ этого сдѣленія началъ, дѣйствій и событій, мною разсказанныхъ. Вотъ размысленіе, которое отдаю на судъ кому ни будь, хотя и очень преданному нравственнымъ правиламъ. Пусть такой человѣкъ взвѣситъ доводы Петербургскаго Двора, пусть онъ сравнитъ ихъ съ поступками его, прошедшими и настоящими, и съ его объявленіями.

Есть ли хоть одно слово во всѣхъ провозглашеніяхъ Россіи, которое не требовало бы особеннаго объясненія? Но ограничимся нѣсколькими очень простыми замѣчаніями. Во первыхъ, слова о согласіи, покровительствѣ и Вѣрѣ, взятая въ томъ смыслѣ, какой даютъ имъ въ Русскихъ манифестахъ, и въ томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ смотрятъ на нихъ Россія, слова эти отвратительны. Безъ сомнѣнія, Екатерина желала бы, чтобы ни что не противилось ея намѣреніямъ, и съ этихъ поръ всякой Государь, всякая Республика, желающіе управлять своими Государствами по своей волѣ, должны

* Сочинитель разумѣетъ супружество Французскаго Дофина (послѣ Короля Людовика XVI-го) съ Маріею Антуанетою, дочерью Маріи Терезіи. Примѣч. перев.

подвергнуться участи Польшы. По тому что Екатерина, пожалуй, захочет вмѣшиваться вездѣ, гдѣ, по ея мнѣнію, она можетъ, или полжна, предписывать законы. Право войны требовало, чтобы Екатерина иначе взялась за завоеваніе Польшы. Первое вступленіе ея войскъ, по словамъ ея, не имѣло другой цѣли, кромѣ покровительства Польскому народу; но зтотъ предлогъ не соотвѣтствовалъ ея видамъ: она думала, что должна прибавить къ нему названіе охранительницы, чтобы имѣть возможность въ зтомъ качествѣ пользоваться всеми выгодами войны. Покровитель, охранитель, вооруженный противъ своего покровительствуемаго, кажется мнѣ существомъ очень страннымъ. Найдутъ ли что ни будь въ народномъ правѣ, дающее въсь такимъ правиламъ? Вести войну, не объявивъ ее, разрѣшать гражданъ отъ присяги, которою они обязаны Ресубликѣ, увозить Воеводъ, Сенаторовъ, Епископовъ и гражданъ, грабить арсеналы, разорять страну Государя, съ которымъ дружны и котораго уважають, принуждать плѣнниковъ голодомъ и жестокииъ обращеніемъ къ клятвопреступленію и измѣнѣ ихъ отечеству, и дерзко обнародовать, что питають особенное уваженіе къ зтой странѣ, что ее берегутъ, ей покровительствуютъ, не имѣють въ виду ничего другаго, кромѣ ея благосостоянія: вездѣ правила справедливости смѣшаны съ насиліемъ и неправдой; законы служатъ предлогомъ къ жестокостямъ: они и одобряють зтѣ жестокости, и гнушаются ими. Наконецъ, зто хаосъ, черта чудовищнаго могущества, порожденнаго самовластіемъ. Скажу болѣе, что показываютъ зтѣ записки Петербургскаго Двора и эти великія правила терпимости въ пользу Разновѣрцевъ? То, что Екатерина—честолюбивая Государыня, въ согласіи съ Прусскимъ Королемъ составившая планы противъ Польшы, Австріи и Порты; что эти оба соеѣда очень опасны, и что нельзя довольно скоро обуздать ихъ, если не хотять быть поработченными отъ нихъ.

Австрійскій Дворъ долженъ бы открыть глаза на дѣйствія, условенныя между Дворами Петербургскимъ и Берлинскимъ: онъ долженъ предвидѣть, что Государыня, подобная Екатеринѣ, по своему расположенію къ такимъ страннымъ насиліямъ, безъ основательныхъ причинъ на то, можетъ, по своей волѣ, давать въсь всякимъ предлогамъ, какіе угодно будетъ вообразить ей, для прикрасы своихъ непріязненныхъ дѣйствій въ какой бы то ни было странѣ. Слишкомъ отдаленной Франціи нечего въ настоящее время бояться честолю-

бивыхъ замысловъ этѣхъ двухъ Державъ; но такъ ли же будетъ впередъ? Австрійскій Дворъ всегда станетъ упрекать себя въ томъ, что Русскихъ приобрѣсти вліяніе на дѣла Германіи. Извѣстно, какъ Нѣмецкіе Государи противились утвердиться у нихъ Царю Петру. * Они чувствовали необходимость понудительныхъ мѣръ для Русскихъ, чтобы они перенесли въ другое мѣсто, только не на Сѣверъ Европы, честолюбивые замыслы, возможные для ихъ Государей. Однако жъ, благодаря сцѣпленію многихъ обстоятельствъ, Русскіе имѣли прямое участіе въ трехъ войнахъ, опечаливавшихъ Европу съ 1733 по 1762 годъ. Въ 1735 году видѣлъ ихъ съ удивленіемъ Рейнъ на своихъ берегахъ. Первая колонна ихъ арміи прибыла уже въ Нюрнбергъ въ 1748 году, когда подписаны были предварительныя статьи въ Ахенѣ. Эти происшествія такъ новы, что забыть ихъ нельзя. За чѣмъ же, однако жъ, Русскіе, которыхъ хотѣли выгнать изъ Европы при Петрѣ I-мъ, со времени царствованія Императрицы Анны, вмѣшивались всегда въ Европейскіе споры? Пользы Государей не измѣнились: за чѣмъ же разнятся и ихъ политикъ?

Вѣрю, что неоспоримо правило, по которому надобно вогнать Русскихъ въ старинные ихъ предѣлы, и если Швеція сохранила еще остатокъ храбрости, отличавшей царствованіе Вазъ, Густавовъ Адольфовъ и Карловъ XII, никогда не представлялось ей лучшаго случая для обратнаго завоеванія Финляндіи, Ижоріи и Ливоніи. Эта Держава, потерявшая оба Поморья и два другихъ Нѣмецкихъ Государства, не можетъ внушить ни какого подозрѣнія ни Даніи, ни Пруссіи, вступая во владѣніе этѣми тремя областями. Шведская Королева, ** такая жадная искательница славы, получить себѣ болѣе прочную область, думая объ этомъ планѣ, нежели занимаясь, по прежнему, мыслью о томъ, какъ бы сдѣлать своего мужа самодержавнымъ Государемъ.

* Союзники Петра I-го въ Сѣверной войнѣ, смотря на хозяйственныя распоряженія въ Мексенбургскихъ владѣніяхъ, болѣлись, не хочетъ ли Царь утвердиться въ Германіи, вознаградивъ Герцога въ другомъ мѣстѣ. Прим. перев.

** Это Ульрика, сестра Фридриха II-го Прусскаго и жена Адольфа Фридриха Голштейнъ-Готторпскаго, потомъ Короля Шведскаго съ 1751 по 1771 годъ. Самовластіе Шведскаго Государственнаго Совѣта до того дошло при этомъ Королѣ, что историкъ Даппнъ, воспитатель Королевскаго сына (Густава III), былъ удаленъ, по тому что не нравился Совѣту. Прим. перев.

Со времени назначенія Герцога Эгильона въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, нетерпѣливо желали видѣть, чью сторону приметъ Французскій Дворъ, и этотъ Министръ, полагавшій, что ничего не долженъ измѣнять въ системѣ своего предшественника, старался только слѣдовать общему ходу своего времени. Нѣкоторые Посланники Короля при различныхъ Дворахъ были отозваны, на мѣсто ихъ назначены другіе. Князь Людовикъ Роганъ назначенъ былъ въ Вѣну, гдѣ уже съ годъ Франція не имѣла Посла. Довольствовались только оставленіемъ въ качествѣ Полномочнаго Посланника, Г. Дюрана, котораго дарованіямъ и заслугамъ отдана была отъ Двора справедливость. Князь Роганъ получил свои наказы въ Декабрѣ 1771 года, но отправился только въ Февралѣ слѣдующаго года. Можетъ быть слишкомъ уже опоздали сдѣлать назначеніе на это мѣсто, по тому что, если дѣло Польши и Конфедератовъ возбуждало участіе Франціи, то, безъ сомнѣнія, необходимо было бы послать ранѣе кого ни будь, снабженнаго полномочіемъ, какъ для выслушанія предположеній Вѣнскаго Двора, такъ и для соединенія съ нимъ противъ общаго врага; но это Государственная тайна, которую открывать не должно; и если Французскій Дворъ такъ долго медлилъ отправленіемъ Посла въ Вѣну, онъ вѣрно имѣлъ причины такъ дѣйствовать.

Со времени послѣдняго урона Турокъ, они пошлн на зимнія квартиры. Турецкій Дворъ, кажется, хотѣлъ въ то время тщательно заняться миромъ. Предложено перемиріе между Русскими и Турками. Франція и Англія были устранены отъ этого зампренія, къ великому изумленію всей Европы, которой это новое соглашеніе достаточно давало знать, что Дворы Вѣнскій и Берлинскій уже раздѣляли между собою часть Польши. Герцогъ Эгильонъ, увѣдомленный обо всемъ происходившемъ, думалъ, что надобно притворяться, и казался не знающимъ тѣсной дружбы между Пруссією и Австрією, въ томъ убѣжденіи, что различныя пользы этѣхъ двухъ Державъ не позволятъ имъ оставаться надолго союзницами.

Прусскій Король отозвалъ Барона Гольца, какъ уже сказали мы выше; Франція тоже отозвала Графа Де Гиня (de Quines), съ тою, однако жъ, разницею, что послѣдній взялъ прощальный отнускъ, и что Баронъ Гольцъ все еще считался Посломъ, уполномоченнымъ при Французскомъ Дворѣ, не исполнивъ ни какихъ формальностей, принятыхъ въ томъ случаѣ, когда покидаютъ Дворъ, при которомъ

находятся въ званіи Посла. Въ Ноябрь Герцогъ Эгильонъ просилъ Короля назначить, кого будетъ ему угодно, Посломъ въ Берлинъ. Его Величество выбралъ Маркиза де Понсъ (de Pons) Прусскій Король довольствовался отравленіемъ Барона Гольца, чтобы исполнились три года, принятые въ подобномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, если какое ни будь происшествіе не заставитъ отозвать его раньше этого срока.

Не бесполезно будетъ представить въ короткихъ словахъ читателю возвышеніе Барона Гольца и поведеніе Его Пруссакаго Величества относительно Царя, когда онъ посылалъ къ нему этого Посла.

Баронъ Гольцъ, происходившій отъ древней фамиліи и созданный неоспоримо для того, чтобы вездѣ быть представителемъ своего Государя, предпочелъ переговоры военному званію, и состоялъ чиновникомъ въ Берлинѣ, въ Департаментъ Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ назывался Совѣтникомъ Посольства. Если кто ни будь долженъ былъ ожидать себя назначенія Королевскимъ Посланникомъ въ Россію, Баронъ Гольцъ тѣмъ менѣе могъ ласкать себя этой надеждой, что такое мѣсто требовало совершеннаго переговорщика. Это не по тому, чтобы онъ былъ не слишкомъ уменъ, но въ политикѣ ума еще недостаточно: необходима сверхъ того опытность: Прусскій Король миновалъ всѣ эти соображенія и назначалъ Барона Гольца въ одно и то же время Полномочнымъ Посломъ въ Россію и Полковникомъ, хотя онъ и никогда не служилъ: этому не было примѣра въ Государствахъ Пруссакаго Короля, ревниваго къ своимъ военнымъ чинамъ, которые обыкновенно давалъ за заслуги и долговременную службу: но Фридрихъ зналъ слабость Царя. Полковникъ Пруссакаго Короля при Русскомъ Дворѣ, котораго Государь уважалъ его Государя до того, что не носилъ другого мундира, кромѣ Пруссакаго, долженъ былъ, безъ сомнѣнія, играть большую роль въ Петербургѣ и быть дѣйствительнымъ орудіемъ противъ Царя, столь же мало имѣвшаго ясное понятіе о пользахъ своей страны, какъ и несговорчиваго на представленія тѣхъ своихъ любимцевъ, которые, предвидя послѣдствія такой ложной уголивости, старались только предупредить ихъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ Баронъ Гольцъ получилъ у Царя пріемъ, удивившій его самого. Этотъ Государь не презиралъ являться къ выходамъ Пруссакаго Посла, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Его увлеченіе Прусскимъ Королемъ вызывало

у него ежедневно подобные поступки. Онъ сдѣлался баснею своей супруги и Русскихъ, которыхъ приводила въ краску такая неумѣстная мелочная внимательность; самъ Баронъ Гольцъ не могъ удержаться, чтобы нѣсколько разъ не сдѣлать Царю нѣкоторыхъ замѣчаній въ этомъ отношеніи, но всѣ они были бесполезны. Поступки этого Государя относительно его подданныхъ были не болѣе основательны. Онъ оказывалъ къ нимъ величайшее презрѣніе. Одинъ только Голштинскій полкъ пользовался всею его довѣренностью. Самымъ большимъ для него несчастіемъ было желаніе измѣнить по произволу Правительственныя учрежденія и наложить руку на духовную власть. Противъ него составился заговоръ: Петръ III-й не былъ ни довольно способенъ, ни довольно любимъ, чтобы разсѣять его. Екатерина должна была всего бояться за свою свободу, за свою жизнь; наконецъ произошелъ переворотъ, и въ то же мгновеніе Петръ III-й сошелъ съ престола въ могилу. Увѣряють, что Прусскій Король, извѣщенный обо всемъ, происходившемъ въ Россіи, давалъ Екатеринѣ совѣты, какъ надобно ей вести себя. Баронъ Гольцъ исполнялъ свое порученіе: его послали въ Варшаву, гдѣ онъ былъ еще необходимымъ довѣреннымъ лицомъ Понятовскаго и покровителемъ, чтобы пособлять ему взойти на Польскій престолъ. Послѣ того онъ сталъ жить въ Потсдамѣ: любимецъ своего Государя, онъ ожидалъ какого ни будь значительнаго порученія, при которомъ могъ бы употребить свои дарованія. Его увидѣли при Французскомъ Дворѣ. Извѣстно, какъ онъ успѣлъ тамъ.

Но обнародованные документы упоминали о добромъ согласіи, царствовавшемъ между Дворами Вѣнскимъ и Берлинскимъ. Видѣли, что войска ихъ вмѣстѣ пошли и вступили въ Польшу въ разныхъ мѣстахъ. Австрійцы обходились съ Поляками съ большою пощадою; Пруссаки, напротивъ, вели войну, какъ обыкновенно у нихъ, по гусарски, и со всего брали налоги. Для большей безопасности своихъ дѣйствій, они завели монету, назначенную только для ихъ уплатъ за все, имъ нужное: она не могла быть употребляема для того же Поляками, обязанными выплачивать хорошею монетою ихъ края тѣ налоги, которыми угодно было побѣдителю обложить ихъ. Пруссаки не имѣли совсѣмъ уваженія къ торговлѣ: всѣ барки съ мукою, шедшія внизъ по Лабѣ * къ Гданку, были останавливаемы

* Сочинитель, конечно, хотѣлъ сказать по Вислѣ. О. Б.

и отводимы въ мѣста, для того назначенныя Пруссимъ Государемъ. Поляки были очень слабы для сопротивленія такимъ грабительствамъ. Прусскій Король, всегда занимаясь средствами къ распространенію своей страны и къ умноженію своихъ доходовъ, ни сколько не уважалъ представлений, которыя ему дѣлали, и ничто ни могло остановить его. Одинъ инженеръ предложилъ ему сдѣлать каналъ, который соединяясь съ Лабюю, * долженъ былъ привлечь въ его страну часть Польской торговли. Проектъ понравился и былъ принятъ, тотчасъ же даны приказанія привести его въ исполненіе. Вотъ какъ умѣетъ Фридрихъ пользоваться всѣмъ, что только можетъ служить къ увеличенію его Державы. Европа позволяетъ ему дѣйствовать, и онъ можетъ отваживаться на все; а если послушать его, такъ зтотъ Государь не имѣлъ другихъ намѣреній, кромѣ того, чтобы поддержать на престолѣ Государя, котораго посадилъ онъ самъ, вмѣстѣ съ Россіей. Сверхъ того, принявъ на себя обязательства относительно Русской Державы, онъ, по его словамъ, нашелъ себя въ необходимости содержать многочисленное войско, которое могло выступить въ поле по его первому приказанію. Что касается прочности союза Короля Прусскаго, знаютъ, чему должно вѣрить: помнятъ еще 1744 годъ. Онъ не поколебался тогда пожертвовать до вѣрїемъ къ себѣ раздѣлу Чехіи и своимъ честнымъ словомъ непростительному лукавству, объявляя, что нарушилъ Бреславскій договоръ только изъ великодушія ** и ничего не требовалъ для себя. Что же теперь дѣлаетъ зтотъ Государь? Подъ предлогомъ вспоможенія вступаетъ въ Польшу, точно въ завоеванный край и, вопреки вѣрности договоровъ, считаетъ себя въ полномъ правѣ рѣшаться на самыя вопіющія несправедливости, подъ видомъ охраненія, котораго никто отъ него не требуетъ.

З а к л ю ч е н і е .

Но пусть Европа рѣшитъ о законности побужденій, которыя заставили взять оружіе Фридриха и Екатерину. Дѣло Польши—дѣло человечества; нѣтъ никого, кто бы не могъ получить о немъ свѣдѣній. У Прусскаго Короля не будетъ никогда недостатка въ предложенияхъ, какъ

* Не съ Лабюю, а, вѣроятно, съ Одрою, какъ и выше. О. Б.

** Онъ говорилъ тогда, что ведетъ войну только какъ союзникъ бѣдствующаго Императора (Карла VII). Примѣч. перев.

скоро дѣло коснется' завоеваній. Восторженность къ этому Государю до того усилилась, что въ послѣдней войнѣ непогаго недоставало для осуществленія плана, который имѣлъ цѣлю облеченіе Прусскаго Короля постоянною и непреложною властью приводить въ дѣйствіе Вестфальскій договоръ относительно Религии во всѣхъ округахъ Имперіи. Этотъ Государь успѣлъ составить для того сторону себѣ въ Регенсбургѣ. Но истина успѣла открыть глаза, ослѣпленные изступленіемъ: этого довольно для доказательства, что существуетъ неизбежная необходимость сопротивляться замысламъ сего Государя, которые будутъ всегда предметомъ смутъ для всей Европы. Австрійскій Домъ замѣшанъ въ этомъ болѣе всякой другой Державы. Напрасно говорятъ, что прочность и могущество Пруссіи основаны на ея теперешнемъ Государѣ, что они совершенно надежны. Не знаютъ, безъ сомнѣнія, что вѣроятный наслѣдникъ, который будетъ имѣть величайшую выгоду въ сохраненіи завоеваній его предшественника, общаетъ походить на него своими военными дарованіями. Изъ этого слѣдуетъ, что дома Австрійскій и Бранденбургскій часто будутъ имѣть поводы къ взаимнымъ несогласіямъ, которые окажутъ неизбежное вліяніе на спокойствіе Сѣвера.

Австрійскому Дому надобно будетъ обмѣняться съ Прусскимъ Королемъ Куронію на Силезію. Этотъ Государь, давно уже желающій Балтійской пристани, доставитъ себѣ ее, получивъ это Герцогство, которое сулитъ ему установленіе дѣятельной торговли. Для уравниенія обмѣна ничто не помѣшаетъ присоединить къ Куронскому Герцогству Епископство Вармійское, вошедшее въ составъ Прусскаго Государства. Оба эти пріобрѣтенія могутъ хорошо послужить Прусскому Королю для уравниенія уступки, которую онъ сдѣлаетъ Австріи въ Графствѣ Кладскомъ (Glatz) и всей верхней Силезіи, включительно даже до Бреслава. Благодаря такой сдѣлкѣ, Прусскій Король, сдѣлавшись больше сосѣдомъ Россіи, обратится въ Аргуса, который, присматривая вблизи за ея поступками, будетъ держать ее въ непрестанномъ опасеніи.*

Надобно возвратитъ Россію въ ея предѣлы, и всѣ Нѣмецкіе Государя должны соединиться для воспрепятствованія этой Державѣ имѣть на будущее время какой ни будь перевѣсъ въ дѣлахъ Германіи. Уже доказано, что она можетъ быть только вредною для ея сосѣдей

* Отъ этого не прочь и нынѣ нѣкоторые благопріятели наши въ Европѣ. О. Б.

и для торговых Государствъ, каковы, на примѣръ, Франція, Англія и Голландія. Швеція и Данія не должны ли также всего бояться отъ подобной системы? Екатерина, успѣвающая во всѣхъ ея планахъ, не найдетъ ли возможности предписывать законы отъ одного поддана до другого, не находя никого, кто бы осмѣлился сопротивляться ей? Самъ Прусскій Король не предвидитъ, либо притворяется, что не предвидитъ, плачевныхъ послѣдствій, которыя можетъ имѣть для него громадное могущество Россіи. Выгоды этого Двора могутъ ежеминутно измѣниться. Договоръ Австріи съ Россією уничтожитъ Короля Прусскаго. Прошедшее поведеніе его дѣлаетъ для него невозможнымъ сыскать себѣ очень многихъ союзниковъ, и этотъ Государь, въ продолженіи 30-лѣтняго царствованія увидитъ величіе и паденіе своего Государства.

Наконецъ, чтобы повторить все, сказанное мною прежде, главнымъ дѣломъ для спокойствія Европы я считаю возвращеніе прежняго состоянія Польшѣ, чтобы она снова могла пользоваться своими правами и вольностями, и, для болѣе прочнаго спокойствія этой Республики, Дворы Версальскій, Вѣнскій, Шведскій и Датскій, должны обезпечить ее. Австрійскій Дворъ, съ своей стороны, долженъ составить союзы, подъ защитою которыхъ могъ бы съ полною безопасностію сурово поступать со всякимъ нарушителемъ спокойствія Германіи.

Императоръ долженъ дать также новыя постановленія для Нѣмецкой монеты и, въ качествѣ Главы и Государя Имперіи, препятствовать произволу въ плавленіи и чеканкѣ монеты въ разныхъ мѣстахъ. Эта свобода, которую пользуется столько Государей, приноситъ невознаградимый вредъ торговлѣ, что и покажу я въ немногихъ словахъ.

Двѣ различныя монеты—душа и движущая пружина торговли во всякомъ Государствѣ: одна существенная, другая воображаемая. Существенная—это золотая и серебряная монета. Ею пользуются для удобства торговли и, благодаря этому средству, продажа заступила мѣсто обмѣна. Такъ какъ перевозка этой монеты изъ одного края въ другой сдѣлалась затруднительною, выдумали воображаемую монету, представляемую векселями, которую вводятъ въ повсемѣстное обращеніе такъ какъ она удобнѣе серебра.

Чтобы сдѣлать удобнѣе эти обороты, изобрѣли политическія монеты, имѣющія взаимное равенство: таковы су и динаривъ Фран-

цузскіе, денаріи и фунты стерлинги въ Лондонѣ, су и гроши Голландскіе и т. д.

Объ эти различныя монеты дозволяютъ намъ дѣлать два сравненія или разбирать равенство отношенія. Во первыхъ мы имѣемъ пробу и вѣсъ—существенную цѣнность монеты одного края, потомъ вѣсъ и существенную цѣнность монеты другого края. Вотъ что называю я существеннымъ равенствомъ.

Всякій разъ, когда какое ни будь Государство позволяетъ себѣ поддѣлывать, или измѣнять, по произволу пробу своей монеты, оно производитъ величайшій безпорядокъ въ своемъ и сосѣднихъ Государствахъ. Нельзя, да и не должно, никогда позволять себѣ предпріятія подобнаго рода. Они приносятъ только мгновенную помощь, и Государь, употребляющій ихъ, обязанъ терпѣть весь убытокъ, либо разорить своихъ подданныхъ и тѣхъ, которые имѣли несчастье вѣрить его монетѣ. Нельзя, да и не слѣдуетъ, никогда дозволять подобныя предпріятія.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	Стр.
Екатерина II объявляет себя покровительницею Поляковъ, чтобы лучше укротить ихъ.....	2
Изображеніе Екатерины II-й.....	—
Честолюбіе Екатерины II и его послѣдствія.....	3
Пора Польскихъ смуть.....	—
Изображеніе Станислава Понятовскаго.....	—
Графъ Понятовскій присоединяется къ Станиславу и измѣняетъ ему.....	4
Супружество Графъ Понятовскаго съ Княжною Черторыйскою....	—
Воспитаніе Станислава Понятовскаго.....	—
Понятовскій отправляется въ Россію: какія у него были намѣренія?	—
Понятовскій нравится Великой Княгинѣ.....	5
Договоръ Франціи съ Елисаветой.....	6
Понятовскій старается, чтобы ему довѣрили званіе Польскаго По- сла въ Россію. Графъ Броглю бесполезно противится тому.....	—
Маркизь Лопиталь заставляетъ отослать Понятовскаго.....	—
Смерть Петра III-го.....	7
Екатерина вступаетъ на Россійскій Престолъ.....	—
Смерть Августа III-го. Понятовскій посылаетъ эту новость въ Россію.....	—
Екатерина посылаетъ въ Варшаву войско.....	8
Понятовскій избранъ Королемъ.....	—
Выборъ Понятовскаго незаконный и по какой причинѣ.....	—
Екатерина хочетъ поддерживать избраніе Понятовскаго. Ея сред- ства, чтобы успѣть въ томъ.....	—
Что такое Разновѣрцы?.....	9
Преимущества Разновѣрцовъ.....	—
Какія преимущества начальника Конфедерации въ Польшѣ?.....	11
Взятіе подъ стражу трехъ Сенаторовъ.....	12
Польскій Король хочетъ для вида вступиться за взятіе подъ стражу Сенаторовъ.....	—
Великій Канцлеръ Графъ Замойскій подаетъ въ отставку.....	13
Польскіе Конфедераты преслѣдуются до Балты. Порта спрашиваетъ о причинахъ того.....	14
Керни-Герать въ немилости.....	—
Образъ дѣйствій Герцога Шуазеля относительно Прусскаго Коро- ля въ пользу Конфедератовъ.....	15
Прусскій Король старается только о томъ, чтобы повредить Фран- ціи при Вѣнскомъ Дворѣ.....	—
Замыслъ Прусскаго Короля, чтобы успѣть посорить Австрію съ Франціей.....	—
Прїѣздъ Барона Гольда въ Парижъ въ званіи Прусскаго Посла... ..	—

Самыя дружескія заявленія Прусскаго Короля къ Портѣ и къ Россіи.....	16
Хорошо ли понимаема свои пользы Англія, подслуживаясь Россіи?.....	17
Екатерина дѣлаетъ заемъ въ Голландіи.....	—
Турки имѣютъ нѣкоторыя выгоды, но онѣ непродолжительны.....	—
Императоръ начинаетъ свои движенія, условенныя при свиданіи его въ Силезіи съ Прусскимъ Королемъ.....	18
Въ такомъ ли положеніи были Разновѣрцы, чтобы требовать помощи у Иностранной Державы?.....	—
Движенія Короля Прусскаго.....	—
Россія дѣлаетъ мирныя предложенія Портѣ, которая отвергаетъ ихъ.....	19
Англія и Франція готовы поссориться.....	—
Герцогъ Шуазель въ немилости.....	20
Герцогъ Эгилонъ назначенъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.....	—
Поступки Прусскаго Короля при Французскомъ Дворѣ.....	21
Вѣнскій Дворъ спрашиваетъ у Французскаго, какого образа дѣйствій онъ намѣренъ держаться?.....	—
Прусскій Король двигаетъ въ Польшу войска.....	22
Успѣхи Екатерины.....	—
Польскій Престолъ объявленъ упраздненнымъ. Понатовскій помещенъ, но неудачно.....	—
Конфедераты всѣми покинуты.....	—
Конфедераты осаждаютъ Краковъ и овлаждаютъ имъ.....	23
Пронски Прусскаго Короля при Турецкомъ Дворѣ во время послѣдней войны.....	—
Сходство поведенія Прусскаго Короля въ отношенія къ Императору съ его образомъ дѣйствій относительно Франціи.....	24
Несообразность провозглашеній Россіи съ ея образомъ дѣйствій.....	—
Вліяніе Россіи на Европейскія дѣла всегда будетъ камнемъ преткновенія для другихъ Державъ.....	25
Князь Людовикъ Роганъ назначенъ въ Вѣну въ качествѣ Французскаго Посла.....	26
Предложенное перемиріе между Россією и Портюю.....	27
Прусскій Король отправляетъ Барона Гольца въ Парижъ.....	28
Краткій разсказъ о возвышеніи Барона Гольца. Петръ III-й унижается до того, что ѣздитъ къ нему на поклонъ.....	29
Прусскій Король вводитъ плохую монету въ Польшу и прерываетъ всякую торговлю въ этой странѣ.....	30

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK4330
.M46
1871

8-11
1

